

Синицкий Олег Степанович, родился 28.05.1954 г.

В представлении многих, саперы — люди с невероятным хладнокровием, потрясающей выдержкой и железобетонными нервами. Я тоже так думал. До встречи с гвардии майором Олегом Синицким в восемьдесят седьмом году, когда он прибыл после окончания Военно-инженерной академии имени Куйбышева в нашу Тульскую 106-ю гвардейскую воздушно-десантную Краснознаменную ордена Кутузова 2-й степени дивизию командовать 112-м отдельным инженерно-саперным батальоном. Он никого не боялся; за правду, за свою правоту, за справедливость он, как говорят в народе, мог глотку перегрызть любому. Невзирая на чины и звания.

Однажды заместитель командира дивизии полковник Кротик в категорической форме потребовал (не попросил по-человечески, по-людски) оказать ему не совсем вписывающиеся в уставные взаимоотношения услуги, и майор Синицкий ему вежливо отказал. На такое «вопиющее» поведение подчиненного полковник Кротик вмиг отрастил здоровенный зуб (по меньшей мере — волчий клык) и стал ждать удобного случая, чтобы «чреватю боком вышло» строптивому саперу. Случай подвернулся летом восемьдесят девятого года в Белоруссии, где подполковник (к тому времени, с восемьдесят восьмого года — уже подполковник) Синицкий со своим батальоном принимал участия в строительстве полигона ВДВ, а заместитель командира дивизии приехал его инспектировать-контролировать. И в первый же день по приезду приказал (опять — не попросил по-человечески, по-людски), чтобы ему не только насобирали грибов, но и засолили, «закатали» их в трехлитровые банки. Ни много, ни мало. Вот тут-то и высказал этому полкану сапер Синицкий все то, что он о нем думает в самых нелицеприятных выражениях вперемешку с ненормативной лексикой (это в армии-то матерные слова — ненормативная лексика?) Самыми мягкими прозвучали первые слова комбата: «Я сюда с солдатами приехал строить полигон, а не грибы тебе собирать!». На что полковник Кротик пожаловался, естественно, опустив грибную составляющую, командиру дивизии генерал-майору Лебедеву. Подполковник Синицкий не стал дожидаться унижительного для его офицерской чести «перетряхива-

ния грязного белья» и в девяностом году написал рапорт об увольнении из рядов тогда еще Советской Армии.

— Олег,— мы с ним сидим за столом в его уютной квартире, перебирая груды фотографий,— вот сейчас, по-прошествии стольких лет, ты не жалеешь, что тогда поддался минутной слабости и уволился из Армии?

— Был вначале осадок на душе. Но... но минутной слабости тогда не было, все взвесил, все обдумал, подготовил семью к неожиданным переменам и, поверь: останься в Армии, я бы не заработал и малой толики, что имею сейчас.— Он не вздохнул, вспоминая те дни, а только — конечно же — ненормативно выразился. — После увольнения я недолго раздумывал: махнул на Чукотку, подался в подрывники. Два года рвал золотиносные горные породы на открытом воздухе, три года рвал в шахтах.

— Потом?

— Потом мне пришел вызов за подписью губернатора области Стародубцева, что мои знания и опыт сапера-подрывника срочно нужны здесь, в Туле...

— Так, стоп! — прерываю его на полуслове.— Об этом — позже. Почему ты, имея сто двадцать один прыжок с парашютом (как мне известно: ты начал прыгать с пятнадцати лет) подался в саперы?

— Родом я из украинского села Хмельницкой области. И хотя мои родители всю жизнь проработали учителями в сельской школе, меня с раннего детства тянуло к машинам. До винтика знал всю колхозную технику: от «Беларуси» до зерноуборочного комбайна. Поэтому поступал и поступил в Калининградское военно-инженерное училище в десантный взвод. По окончании училища в семьдесят пятом году — служба в Болградской 98-й дивизии от командира саперного взвода до командира инженерно-саперной роты.

— И первая награда...

— Первую награду — нагрудный знак «За разминирование» — очень почетная награда для каждого сапера — я получил будучи лейтенантом в семьдесят седьмом году. За восемь лет службы в Болградской дивизии меня с моими саперами постоянно, каждый год, с апреля по октябрь, привлекали для разминирования всевозможных боеприпасов, оставшихся в земле с войны.

— Много было работы?

— Считай, «пропахал» всю Одесскую область и большую часть Молдавии. И наши боеприпасы, и немецкие, и румынские, и венгерские. И патроны, и мины, и артиллерийские снаряды, и авиабомбы. И не разорвавшиеся после применения, и на складах.

— Были несчастные случаи с личным составом?

— У меня — ни одного.

— Афганистан...

— В восемьдесят втором году летел в одном самолете с Грачевым: я менял командира инженерно-саперной роты 345-го отдельного парашютно-десантного полка в Баграме, Грачев менял командира полка. По приземлении самолета в Баграме нас встречал еще не сдавший должности, но, считай, уже бывший командир полка, Герой Советского Союза Кузнецов. Грачев раскинул руки для объятия, но Кузнецов устремился ко мне и мы с ним крепко, по-мужски обнялись — мы же служили вместе, в Болграде.

— Как складывались отношения с будущим министром обороны?

— Да нормальный он парень. И какие отношения могут быть у командира с подчиненными? Уставные, но в то же время дружеско-боевые. Как-то раз, на боевых, авиационный и артиллерийский наводчики оказались не в том месте, где нужно, и в это время полк попадает под перекрестный огонь «духов». Грачев дает мне команду типа того, делай, что хочешь, но наводи авиацию на противника. Связываюсь с «Грачами» и трассерами из ДШК, показываю им цели.

— Естественно, под вражеским огнем?

— Тогда об этом не думал — выручал полк.

— Орден Красной Звезды — за это?

— И за эту операцию — тоже.

— Орден Красного Знамени...

— Проходила большая армейская операция: два полка и бригада выдвигались по узкому ущелью на Ургун в сторону Пакистанской границы. Бомбить ущелье нельзя: вблизи граница, горы в деревьях — видимости для летчиков никакой. Вдобавок, подорвался армейский саперный БТР, на котором находился командир отряда обеспечения, и мне, по приказу командира группировки, пришлось возглавлять этот отряд обеспечения.

— Я так понял, что ты со своим отрядом двигался в самом что ни на есть авангарде всей группировки?

— Так оно и происходило с поправкой на местную экзотику: высота над уровнем моря 2200 метров, мороз 15—18 градусов, снег выше колен, узкое Ургунское ущелье, под завязку наспигованное минами разной степени сложности.

— Много у тебя было в отряде потерь в той операции?

— Ни одного из восемнадцати саперов, с кем мы обезвредили больше двухсот мин в этом семнадцатикилометровом ущелье, которое преодолевали четверо суток. Правда, три подрыва техники было. Ну и — что? Заменяли гусеницы — и вперед, продолжать выполнять задачу.

— И тебя представили к Красному Знамени?

— Представить-то представили, но на следующий день из штаба ВДВ пришла телефонограмма, что, вместо Красного Знамени, меня представили ко второй Красной Звезде. Командир полка Федотов, сменивший Грачева, пришел в ярость, тут же по закрытой связи связался с командующим ВДВ генерал-полковником Сухоруковым и...

— Справедливость была восстановлена?

— Орден мне вручал через несколько месяцев сам Сухоруков в штабе ВДВ, когда я вернулся в Союз из Афганистана для поступления в академию...

— Вернемся к телеграмме Стародубцева.

— В девяностые годы создалась весьма своеобразная ситуация. Не только в нашей Тульской области. В земле постоянно находили разные боеприпасы еще той войны. А разминировать их было некому — бардак сплошной творился в стране. Да что я тебе это объясняю — все мы выварились в этом беззаконии и беспределе. Короче, армия отказалась от разминирования этих отголосков войны. И мне пришлось с нуля, впервые в стране создавать при Тульском ГО-МЧС «Группу выполнения специальных работ» с государственной лицензией на все виды подрывных работ с боеприпасами любой сложности. Написал программу подготовки специалистов и пять лет непрерывно выезжал на разминирование не только в Тульской области. Ко мне приезжали со всей страны за помощью в создании подобных групп. Даже Лебедь, будучи губернатором Красноярского края, позвонил и попросил помощи. Не отказал и ему, конечно, только спросил о том, какие могут быть в далекой сибирской земле захоронения боеприпасов.

— Ты обмолвился, что пять лет возглавлял созданную тобой группу.

— Кроме разминирования боеприпасов и подрыва льда на реках меня стали привлекать на разминирование дверей квартир и домов определенного сорта людей. Привлекали и МВД, и ФСБ. А разминирование дверей от разминирования боеприпасов намного отличается в худшую сторону. Если сотрудники МВД и ФСБ в случае ранения при разминировании получали огромные компенсации, то мне приходилось работать за одну зарплату. Хотя основная, самая опасная, работа возлагалась на меня.

Нас, саперов, даже не бралась страховать ни одна страховая компания. Пошел к Стародубцеву, объяснил ситуацию — он развел руками: дескать, ничем помочь не могу.

— И, зная тебя, ты его, конечно, послал куда подальше.

— Не так грубо, но, по сути,— правильно...

Это он в повседневной жизни вспыльчивый, не терпящий компромиссов и несправедливости, а во время работы с ВВ (взрывчатыми веществами) он — сама собранность, само совершенное хладнокровие с железобетонными нервами.

Май 2009 года,

Тула.

Через год с небольшим после выхода книги «Афганцы Тулы» я попросил Олега написать самому воспоминания о войне в Афганистане, кои с удовольствием и представляю во второй книге о тульских афганцах, с незначительными сокращениями и правками.

...В конце октября 1982 года оперативным командованием 40-й армии была предпринята очередная операция по нейтрализации «духовских» бандформирований в ущелье Панджшер. Там в это время в населенном пункте Анава находился 2-й батальон 345 орд.

Колонна в составе 1-го и 3-го батальона 345 орд, усиленная батареей БМ-21 «Град» (6 единиц), вошла в ущелье в районе Дехи-Нау утром. Отряд обеспечения движения (ООД) двигался на «броню», изредка останавливаясь и проверяя подозрительные места на наличие мин и фугасов, для чего саперы спешивались на дорогу. Установки «Град» были распределены по колонне между боевыми машинами батальонов для их защиты в случае нападения «духов».

Когда ООД, штаб пола во главе с П. С. Грачевым и 3-й пдб уже втащились в населенный пункт Анава, по оставшейся колонне 1-го пдб (командир батальона В. В. Пименов) с правой стороны ущелья «духи» открыли огонь из ДШК (12,7 мм). Били целенаправленно по БМ-21. До Анавы оставалось 2—3 километра.

Огнем противника была поражена одна установка БМ-21, в результате чего она загорелась. О чем комбат-1 доложил по радио П. С. Грачеву. Командир полка приказал комбату-1 принять решение на месте. Ввиду того, что установка БМ-21 горела, а на направляющих находились сорок штатных боеприпасов калибра 122-мм, В. В. Пименов принял решение: для успешного продвижения батальона вперед сбросить горевшую установку в ущелье. Что и было сделано в считанные секунды, благо дорога проходила по «полке»: слева — горы, справа — ущелье. Экипаж установки эвакуировал, а саму установку БМД-1 столкнула в пропасть. Во время втягивания колонны 1 пдб с техзамыканием в Анаву горевшая установка БМ-21 взорвалась. Взрыв был такой силы, что личный состав, находившийся в населенном пункте Анава, почувствовали удар воздушной волны, как хлыстом по телу. П. С. Грачев, располагавшийся в то время в штабе 2 пдб, тут же закричал по радио: «Что взорвалось?», на что В. В. Пименов спокойно ответил: «Что горело — то и взорвалось».

...В апреле 1983 года командованием 40-й армией была организована операция по очистке зеленой зоны северо-восточной части Черикарской долины от «духов» в районе населенного пункта Саяд. Операция проводилась подразделениями 103-й ввд совместно с 1-м и 3-м пдб 345-го орд. Руководил операцией командир 103-й ввд генерал-майор А. Е. Слюсарь. Населенный пункт Саяд располагался на правом берегу реки Панджшер, ширина которой в том месте составляла 80—100 метров, а берега реки соединял мост, нависший на 20—30 метрах над водой.

ООД 103-й ввд первым вошел на мост, и первая машина отряда БТС, отъехав от моста на 100—150 метров, взорвалась на фугасе и загорелась. Одновременно «духи» из «зеленки» открыли шквальный огонь из стрелкового оружия и гранатометов,

подбив еще и БТР-70 из отряда обеспечения движения. Бойцы успели эвакуироваться и вытащить раненых из БТРа. К сожалению, механика-водителя БТС вытащить не удалось — он сгорел в машине.

Саперам 345-го оидп было приказано ночью вытащить сгоревший БТС с трупом механика-водителя на нашу сторону. Лишь только стемнело, БТС с командиром взвода инженерно-саперной роты 345-го оидп лейтенантом В. И. Пахомовым двинулся через мост к сгоревшему БТС, но через 50—100 метров за мостом был обстрелян из гранатометов и возвратился обратно.

Ночью руководитель операции генерал-майор А. Е. Слюсарь собрал оперативное совещание, на котором обвинил командира 345-го оидп П. С. Грачева в том, что тот не может выполнить поставленную перед ним задачу, т. к. боится потерь личного состава.

Надо отметить, что П. С. Грачев очень берег людей и все делал для того, чтобы минимизировать потери. Тогда 345-й оидп находился в оперативном подчинении командира 103-й ввд только на период проведения операции, и П. С. Грачев тут же связался с командующим ВДВ Д. С. Сухоруковым, доложил обстановку и высказал свое предложение: «Мы эту задачу сегодня не выполним, но выполним завтра и без потерь». На что командующий ответил, что утверждает решение П. С. Грачева.

П. С. Грачев собрал оперативное совещание командиров подразделений 345-го оидп и выслушал предложения по выполнению указанной задачи. Командир 3-го пдб С. Н. Быстров предложил, руководствуясь Боевым Уставом ВС СССР, с утра развернуть в боевую линию машины батальона с десантом и по воде форсировать в районе моста реку Панджшиер; затем, при выходе на противоположный берег, спешить десант и под прикрытием огня орудий и пулеметов боевых машин оттеснить «духов» с «зеленки», тем самым дать возможность нам (саперам 345-го оидп) эвакуировать сгоревший БТС. П. С. Грачев, выслушав предложения комбата-3, утвердил его.

С рассветом двадцать семь БМД-1 3-го пдб развернулись на исходном берегу в боевую линию и по команде командира полка начали форсировать реку. Огонь из орудий БМД-1 «Гром» и огонь из курсовых пулеметов заставил «духов» отступить, что позволило десантникам спешиться на противоположном берегу, открыв при этом огонь из автоматов и пулеметов все по той же «зеленке». Практически не встречая сопротивления противника, войска вошли в населенный пункт Саяд. Естественно, саперы после такой атаки смогли пересечь мост и эвакуировать БТС 103-й ввд со сгоревшим механиком-водителем и подбитый БТР-70. После чего началась плановая очистка от «духов» всего населенного пункта Саяд.

...В мае 1983 года оперативным командованием 40-й армии 345-му оидп была поставлена задача: войти в ущелье Ниджраб, форсируя реку Панджшиер, и оттеснить «духов» из этого ущелья.

От базы 345-го оидп в Баграме до реки Панджшиер — около 20—25 километров. Впереди, как обычно, шли саперы, т. к. на пути продвижения колонны техники полка имелось 5—6 проездных железобетонных мостиков через арыки, которые приходилось проверять на минирование. В основном шли вдоль проложенных дорог по целине, страшась от возможных мин на дороге. Но все мосты приходилось тщательно проверять на наличие мин, что оказалось архиважно, как говорил вождь пролетариата, — обнаружили и обезвредили шестнадцать мин итальянского производства ТС-6,1.

При подходе к реке Панджшиер пришлось искать место входа в воду для переправы и место выхода из реки. За 6—8 километров от серпантина на гору перед Ниджрабским ущельем река имела ширину 80—100 метров и довольно быстрое течение (2—3 м/сек). Командир полка П. С. Грачев приказал мне определить места

выхода и выхода из реки. Плавающих средств, кроме БМД-1, БТРД и командирской машины связи «Чайка», в полку не было; все остальная техника с боеприпасами и продовольствием — колесные автомашины ГАЗ-66, УРАЛы и КАМАЗы. Проверив скорость течения и глубину реки, мой БТРД от конечной точки выхода из реки течением снесло на 250—300 метров. Возвратившись обратно, я предложил командиру полка пересечь реку на БТС, перетащить трос с лебедкой длиной в 100 метров на исходный рубеж и закрепить его на другом БТСе. Затем, используя буксирные крюки и тросы колесных машин, вроде поводков для собак, переправить всю колесную технику полка и приданные нам «Грады». Командир полка утвердил мое предложение, собрал оперативное совещание, поставил всем подразделениям боевую задачу на форсирование своим ходом реки Панджшер. В пределах 11—12 часов местного времени полк начал переправу. БМД-1 и БТРД шли своим ходом, но для тех механиков, которые не смогли справиться с течением, ниже было выставлено два БТРД моей роты для перехвата, в случае необходимости, и буксировки этих машин к берегу. К 17 часам переправа завершилась, и полк двинулся к серпантину с перепадом высот в 200—250 метров для подъема на гору перед ущельем Ниджраб. На полтора километрах серпантина саперы роты обезвредили три самодельных фугаса с электровоспламенителем на батарейках и восемь мин ТС-6,1 и МК-7. К 21 часу полк вышел на плато перед ущельем Ниджраб и расположился на ночлег. Во время марша заместитель командира взвода инженерно-саперной роты сержант Г. Пызин подстрелил варана, которого вечером приготовили на костре. На жаркое пригласили заместителя командира полка С. И. Родионова, который всячески расхваливал мясо «барана».

...По правому берегу реки Панджшер со стороны Джелалабада вдоль Джелалабадского водохранилища проходили караванные пути из Пакистана в Черикарскую долину. В июне 1983 года по оперативным разведанным со стороны Джелалабада по этому маршруту должен был проходить караван с оружием. Разведрота полка под командованием В. Пинчука, высланная в засаду, захватила у «духов» более 130 единиц стрелкового оружия, боеприпасы, около 200 мин и около 250 килограммов лазурита.

...В августе 1983 года на тот же маршрут в засаду направился разведбат 108-й мсд. Но в это же время на одном из блок-постов на дороге Кабул—Черикар «духи» захватили в плен бойца этой дивизии, и две роты разведбата с засады были сняты для поиска пропавшего бойца. Штаб 40-й армии отдал распоряжение командиру 345-го опдн выслать на место засады разведбата свое подразделение. Разведрота В. Пинчука в ночь в пешем порядке начала выдвижение в указанный район, который находился в 15—17 километрах от расположения полка в Баграме. А бронегруппа, находясь в режиме ожидания на территории дислокации полка в готовности, в случае непредвиденной ситуации, должна выдвинуться к разведроте и поддержать ее огнем. Операцией руководил начальник штаба полка А. А. Сигудкин.

Но «деятели» из штаба 40-й армии забыли предупредить командование 345-го опдн о том, что две роты разведбата сняты с засады, а одна — осталась на месте. При подходе к месту засады передовой дозор подал знак командиру разведроты В. Пинчуку, что впереди обнаружены люди, но уже было поздно. Залп из стрелкового оружия и подствольных гранатометов разметал разведроту 345-го опдн, находящуюся на марше. Командира разведроты капитана В. Пинчука спас боец, шедший перед ним, прикрывая его. Он получил гранату из подствольника в голову и погиб; осколками был ранен и командир разведроты. Услышав русский мат, оставшиеся бойцы разведбата 108-й мсд после команды прекратили огонь по своим. Результат — шестеро погибших, семнадцать раненых разведчиков 345-го опдн.

После первых выстрелов вся бронегруппа из расположения полка ринулась — иначе и не скажешь — к месту столкновения, не дожидаясь радиодоклада, ввиду очень хорошей видимости осветительных ракет над местом так называемого боя. Впереди — БТР-70 с начальником штаба А. А. Сигудкиным, но мне пришлось его обогнать, так как впереди колонны, однозначно, должна идти машина отряда обеспечения движения. По прибытии на место увидели «братание»: бойцы разведбата 108-й мсд, разобравшись в обстановке, оказывали посильную помощь братьям по оружию. Вот так недоработка кого-то из штаба 40-й армии привела к трагическим безвозвратным потерям и выводу из строя около 30 % личного состава разведроты 345-го опдп.

Через день командир полка П. С. Грачев на построении полка объявил всему личному составу, что любой желающий из любого подразделения по собственному желанию будет переведен в разведроту для ее пополнения. Желающих нашлось много, но с моей инженерно-саперной роты желающих не нашлось. Собрав после построения свою роту, предложил перевод в разведку, на что последовал ответ: «Мы все равно впереди их идем — какой смысл переводиться?».

Надо отдать должное, в последующем командующий 40-й армией генерал Генералов извинился перед П. С. Грачевым за бессмысленные потери, но этим матерей, потерявших своих сыновей, не успокоишь.

...21 июля 1983 года по замыслу оперативного командования 40-й армии 345-й опдп был направлен на оперативную операцию в район Пагман — северо-западную часть Кабула. В принципе, это ухоженные, очень красивые, кои у нас именуются, дачи довольно зажиточных граждан Кабула и окрестностей. Руководил операцией командир 103-й ввд А. Е. Слюсарь.

Утром 23 июля наш полк (345-й опдп) во главе колонны начал движение по плато в сторону населенного пункта Пагман. В очередной раз бронегруппа с ОДД шла без прикрытия слева и справа. Около семи часов утра нас обстреляли из стрелкового оружия и гранатометов. К этому времени мы продвинулись на 5—7 километров вглубь населенного пункта Лагман.

Я возглавлял ООД; впереди шел БТС с механиком-водителем Владимиром Юденковым и оператором ДШК Алексеем Ичетовкиным. И вот в этот БТС справа из-за дувала был произведен выстрел из гранатомета. И хотя я заставил Ичетовкина сесть вглубь машины и не торчать на броне с ДШК, выстрел гранаты попал в бронешиток на башине, расплылся и ушел вниз в башенку, где задел стальной шлем, надеваемый на танковый шлем Ичетовкина. Механик-водитель Юденков доложил мне, что Ичетовкин ранен, но еще шевелится. Я принял решение вывести БТС из зоны огневого соприкосновения и попытаться спасти раненого оператора. Связался с комбатом-1 В. В. Пименовым, батальон которого шел за ООД, и нас прикрыли из боевых машин, открыв огонь по засадам «духов» и справа, и слева. Запросив механика-водителя БТС В. Юденкова о состоянии машины, я распорядился, чтобы он попытался развернуть машину на 180 градусов влево по ходу колонны и вывезти раненого оператора для дальнейшей эвакуации. По моему запросу к нам спешил по обочине на БТРД, невзирая на возможное минирование, начальник медицинской службы 345-го опдп С. С. Яковлев.

Развернув БТС, Юденков по обочине смог уйти навстречу «Филину», т. е. С. С. Яковлеву, но спасти Лешу Ичетовкина, к сожалению, не удалось (в 2005 году мы ездили в Кировскую область на могилу А. Ичетовкина и установили там хороший памятник). В это время комбат-1 В. В. Пименов, ведя огонь из всех видов оружия, развернул колонну на 180 градусов и последовал за мной.

Вечером на разборе боевых действий руководитель операции генерал-майор А. Е. Слюсарь поднял меня, как начальника ООД, и спросил, на каком основании я

прекратил продвижение колонны вперед и развернул ее обратно. Я ответил, что пытаюсь спасти жизнь своего бойца. За меня заступился командир 345-го опдн подполковник А. Н. Федотов и начальник штаба полка подполковник В. В. Безруков. Они констатировали, что решение командира ООД было единственно верным в той ситуации, иначе бы мы потеряли еще и технику, и бойцов. Комбат-1 В. В. Пименов предложил следующим утром развернуть десантников в боевую линию и под прикрытием огневых средств БТР-70 и БМД-1 начать выдавливание «духов» из населенного пункта Лагман.

Утром 24 июля так и произошло. Десантники 1-го пдб, под прикрытием огневых средств бронегруппы, двигались параллельно с ООД, и к 15.00 24 июля населенный пункт Лагман был полностью под контролем оперативного командования.

... Самая длительная, на моей памяти, операция армейского масштаба проводилась командованием 40-й армии в январе 1984 года.

8 января в три часа утра 345-й опдн в составе 1-го и 3-го батальонов, двух батарей артдивизиона, батареи АСУ «Нона» и подразделений обеспечения начала выдвижение в район плато Ургун на юго-восточной границе Афганистана с Пакистаном. Впереди 345-го опдн шел ООД 45-го отдельного армейского саперного полка в составе отделения саперов на БРДМ. Мы встретились с ними на Т-образном перекрестке дорог Черикар — Баграм, и далее я только следил за маршрутом движения, а все обеспечение марша лежало на ООД 45-го ОИСП.

До Кабула от Баграма около 75—80 километров. Около 5.30—6.00 наша колонна начала спускаться в Кабул и перед городом повернула налево. Поначалу я не придавал этому значения, доверяя ООД 45-го ОИСП, который шел в авангарде нашего полка. Но по истечении 30—40 минут после поворота налево перед Кабулом у меня зародилось сомнение. Мы должны были двигаться на юг, в сторону Гардеза, через весь Кабул. Дорога же простиралась на «полке»: слева — горы, справа — река. Плюс — в глаза било восходящее солнце: мы шли на восток. Я по радио запросил начальника штаба полка В. В. Безрукова. Он ответил, чтобы я не вмешивался, так как нас ведет «Крот» (ООД 45-го ОИСП) и он знает, что делает. Еще через 10—15 минут я окончательно убедился, что мы движемся по дороге на Джелалабад. Об этом я в очередной раз доложил начальнику штаба полка, что движемся не туда, куда надо. Спустя 4—5 минут радиостанция голосом командира полка приказала, чтобы я бросил этого долбанного «Крота» и разворачивал колонну в нужном направлении. Пришлось на горной дороге разворачивать колонну из почти девяноста единиц техники на 180 градусов, на что ушло полтора часа драгоценного времени. И в Кабул вошли где-то в 10—11 часов, пройдя город без происшествий, в сопровождении афганского спецназа «Царандой».

К утру 10 января полк, пройдя мимо населенного пункта Гардез, вышел к ущелью Ургун. По замыслу наша оперативная группировка в составе 345-го опдн, 66-й одиб и полка дислоцирующегося в Гардезе, должна пройти по ущелью в Ургунскую долину на границе с Пакистаном, куда ушли «духи», скрываясь от преследования. Буквально при входе в Ургунское ущелье БРДМ ООД 45-го ОИСП подрывается на mine и у него отрывает колесо. Командир 345-го опдн, связавшись с руководителем операции начальником штаба 40-й армии, предложил возглавить ООД оперативной группы 40-й армии саперам своего полка. На что получил «добро», и мне приказал возглавить ООД 40-й армии на все время проведения операции в ущелье Ургун и Ургунской долине.

Высота Ургунского ущелья и Ургунской долины — 2200 метров над уровнем моря; январь, глубина снега — 30—40 сантиметров. Мои саперы, по колени утопая в снегу, шли по дороге и где цунами, где руками искали мины и фугасы (по разведанным — все дороги в долине были заминированы). На первых пятистах метрах при входе в ущелье подрывается ИМР из ООД, за ним в течение 30—40 минут подрыва-

ются два танка из ООД. Проблемы небольшие — оторванные катки, за замену которых уходило 30—40 минут.

По истечении двух часов мы продолжили движение, но у меня где-то в глубине души закрался страх. Хорошо, если подрываются машины на базе танка, а если БТР-70, БМД или БТРД? От такой мины (ТС-6,1) может пострадать и экипаж. Связавшись с начальником инженерных войск 40-й армии генералом А. Рябухой, получил приказ, чтобы все машины на гусеничном ходу ООД давили мины, пропущенные саперами.

Решив все же не рисковать техникой, расчищая новый путь ИМР (инженерная машина разграждения) рядом с существующей дорогой, начал прокладывать путь по руслу замерзшей реки и по обочинам. Однако, мои саперы все равно шли по дороге и снимали мины и фугасы. За первый день пути по Ургунскому ущелью мы прошли 3,7 километра, затем остановились на ночлег.

При остановке на третий ночлег, расставив технику полка, выслав на сопки справа и слева боевое охранение, в 18 часов нас собрал на постановку боевой задачи командир полка подполковник А. И. Федотов. И тут нас стали обстреливать «духи» из безоткатки. Два выстрела легли вхолостую, а третий — угодил в «Нону», батарея которых балы развернута на боевых позициях в готовности прикрытия в случае необходимости боевого охранения. Снаряд безоткатки угодил в борт установки и убил механика-водителя; загорелись матрасы, которые экипаж брал с собой на боевые действия. Ввиду большого огня пожар в машине потушить не удалось и по приказу командира полка находящийся рядом личный состав и технику срочно рассредоточили на безопасное расстояние. От установки после взрыва через двадцать минут двадцати штатных снарядов остался казенник от пушки и двигатель, который угодил в палатку афганцев, убив одного человека.

На следующий день радио «Голос Америки» передало, что в Ургунском ущелье моджахеды уничтожили русский танк.

В третий день пути по ущелью нас постоянно обстреливали «духи», хотя справа и слева по сопкам у нас шло боевое охранение. К 16 часам третьего дня мы подошли по ручью к водопаду высотой 3—3,5 метра, который наша техника, кроме машин на базе танка, преодолеть самостоятельно не могла. Пришлось закладывать под водопад взрывчатку и после взрыва делать съезд ИМР, и долго саперам вручную носить камни.

В момент руководства этими работами по мне открыл огонь «духовский» снайпер. Вначале я не понял, почему огонь ведется по мне, ведь одет был как все остальные бойцы: валенки, ватные штаны, бушлат, солдатская шапка и бронезилет. Пришлось «качать маятник» и бежать к своему БТР-70, краем глаз замечая с обеих сторон от себя фонтанчики от пуль снайпера. Но, не добежав 5—6 метров до укрытия, поскользнулся и упал на спину. Ко мне из укрытия бросился командир отделения моей роты Николай Зибров, ухватил за полу бушлата и затащил меня за БТР. На том месте, где я мгновение назад лежал, взметнулся очередной фонтанчик льда от пули снайпера. Только в укрытии мы поняли, почему стреляли именно по мне: за спиной у меня находилась радиостанция Р-148 — поэтому-то «духи» и решили, что перед ними советский офицер. Связавшись с разведчиками, которые шли по правой стороне ущелья, мы навели их на «духов», и стрельба прекратилась.

Четвертый день пути по ущелью Ургун новостей не принес; саперы снимали мины и фугасы, и к исходу дня вся колонна армейской группировки вошла в Ургунскую долину. Так за четыре дня пути нами было преодолено семнадцать километров Ургунского ущелья, снято более двухсот мин и фугасов, потеряна одна «Нона» с механиком-водителем.

За эту операцию меня представили к ордену Красного Знамени.